ЗАПИСКИ Л. П. НИКУЛИНОЙ-КОСИЦКОЙ,

артистки Императорскихъ Московскихъ театровъ [1]).

1829—1868.

II.

Первый выѣздъ въ театръ.—Призваніе.—Домашній совѣтъ.—Согласіе матери.—Отъѣздъ въ Нижній.

Минуло мнѣ двѣнадцать лѣтъ.

Зима дла меня была невыносима, я не видѣла свѣта Божьяго. Лѣтомъ я забывала свои труды: день большой, успѣешь и набѣгаться, и наиграться, и наработаться, и лѣтомъ мать менѣе бранила меня; она была такая воркунья; огорчала меня тѣмъ, что я не могла ничѣмъ угодить ей; она сердилась даже на то, что я начала терять здоровье. Все говорила, что я лѣнюсь, что я нерадивая и очень рѣдко ласка выпадала мнѣ на долю. Одинъ разъ мать бранила меня, что я не хорошо выгладила какіе-то брюки; я сказала, что не могу лучше; она хотѣла меня бить и упрекнула даже, что я дармоѣдка. Этотъ упрекъ такъ былъ горекъ для меня, что я не могла даже плакать, и не долго думая пошла да и нанялась въ горничныя, изъ-за хлѣба и платья. Дама, къ которой я поступила, была купчиха. Я могу сказать и имя ея и фамилію: добрыхъ людей скрывать нечего. Звали ее Прасковья Аксеновна Долгонова. Она оказалась очень доброю и прекрасною женщиною; была первою красавицею въ городѣ. Она взяла меня къ себѣ и полюбила, и ласкала какъ дитя свое; я хотѣла

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 65—80.

оправдать вполнѣ ея любовь ко мнѣ и дѣлала все и въ силу и не въ силу. Она понимала это и привязалась ко мнѣ. Я не вынесла такихъ трудовъ и захворала, простудилась; захворала я крѣпко, и была опять взята въ отчій домъ. Хворала я недолго, но во время моей болѣзни, я вся обратилась къ Богу и просила его, чтобы онъ возвратилъ мнѣ здоровье и чтобы я увидѣла опять доброе личико П. А. Я была очень религіозна и все свободное время посвящала на чтеніе священныхъ книгъ. Выздоровѣла я, и, разумѣется, прежде всего пошла къ обѣднѣ, и потомъ опять отправилась къ моей дорогой П. А. Она, увидавъ меня, обрадовалась, зацѣловала меня и потащила къ мужу, оставивъ меня у себя, но уже не для работъ, а для своей забавы. «Хорошо мнѣ», думала я, «но чего же я хочу еще-то?» и сколько разъ безотчетная тоска овладѣвала мною, сколько разъ я хотѣла бѣжать далеко, далеко—а куда, сама не знаю. Грудь мнѣ сожметъ, слезы хлынутъ и я, изнеможенная, упаду на подушку и выплачу свое тайное горе. Иногда страшныя видѣнія тревожатъ меня, подъ ногами пропасть, а мнѣ идти надо, я кричу и просыпаюсь, и страхъ нападетъ на меня; или вдругъ рай небесный откроется передо мною, и я наслаждаюсь райскою жизнію и цѣлая ночь пройдетъ и вставать не хочется. Я такъ часто видѣла такіе сны и дни эти такъ глубоко-грустны для меня. А иногда безотчетная бѣшеная радость овладѣвала мною, я пѣла, прыгала, плясала, какъ будто горе никогда не касалось до меня. Забывала всѣ горести и до сей минуты цѣлую руку моей доброй П. А.: она оживила мою душу, она отняла меня у матери, она утѣшалась мною какъ собственнымъ ребенкомъ. Мнѣ было тепло у ней и отрадно. Мужъ ея, простой русскій купецъ, былъ очень добрый человѣкъ и любилъ ее. Я вездѣ была съ ними, они брали меня съ собою кататься на гулянья.

Пошелъ мнѣ уже четырнадцатый годъ, я не знала какъ летѣло время. Была зима и первая зима, въ которую я не работала. Пришли святки, мы много веселились, гадали, и, въ одинъ прекрасный день, мнѣ утромъ объявили, что вечеромъ мы ѣдемъ въ театръ. Не знаю почему, у меня сердце замерло, я поблѣднѣла; надо мною стали смѣяться, что я боюсь, и увѣряли меня, что тамъ нѣтъ чертей, и что они меня не отдадутъ имъ, и чтобы я крестъ надѣла. Я сказала, что крестъ и образокъ на мнѣ и

прибавила потомъ, что я не боюсь, но что мнѣ давно уже хочется въ театръ, что я никогда не видала его.

Было это 29-го декабря 1843 года.

Пришелъ вечеръ, я была уже одѣта, подали лошадей; меня била лихорадка отъ ожиданія. Подъѣхали къ театру, вошли въ ложу; народу такъ много и свѣтло такъ; меня бросило въ жаръ. Успокоилась я немного, мы сѣли. Заигралъ оркестръ, я испугалась и ахнула. Оркестръ кончилъ, занавѣсъ взвился. Давали драму «Красное покрывало», играли: Вышеславцева, Трусовъ и многіе другіе. Тутъ я вся превратилась въ слухъ и зрѣніе, смѣялась и плакала; все и всѣхъ забыла! Вся жизнь моя перешла въ актеровъ и я ужасно тосковала, когда опускали занавѣсъ, и все спрашивала, зачѣмъ все закрыли и скоро ли опять откроютъ? Мнѣ велѣли замолчать и сказали, что я надоѣла. Занавѣсъ опять поднялся, а къ концу піесы у меня сдѣлалась опять лихорадка. Я сама не знала и не понимала, что̀ со мною сдѣлалось, и теперь даже не могу объяснить этого чувства.

Пріѣхали мы домой, я цѣловала руки и ноги моему другу, я дрожала всѣмъ тѣломъ. Она смѣялась надо мною, думала, что я простудилась, положила меня съ собою спать, и тѣмъ успокоила меня. Я все твердила, что очень хорошо въ театрѣ. Ночью просыпалась, часто и тяжело вздыхала. Утромъ, когда всѣ поднялись и все опять пришло въ свой порядокъ, я взяла мою скамеечку и сѣла, по обыкновенію, у ногъ моей благодѣтельницы. Стала ее разспрашивать о томъ, что вчера было такое за представленіе, и какъ это они говорятъ, и такіе ли это люди какъ и мы? Она разсказала все подробно. Я слушала ее и сердце мое сжималось, я такъ поблѣднѣла, что когда она взглянула мнѣ въ лицо, то испугалась и спросила меня, что̀ со мною? Я сказала: «ничего, я здорова»; я не смѣла сказать ей ничего больше, что такъ волновало мнѣ душу мою, а въ тайнѣ и глубоко въ сердцѣ моемъ я видѣла себя на этой сценѣ. Мнѣ еще не было знакомо чувство любви, но, четырнадцатилѣтней дѣвочкѣ, мнѣ казалось, что я могу также сильно любить, но только что я непремѣнно умру, коли такъ полюблю какъ Вышеславцева; уже на тринадцатомъ году, я была почти совсѣмъ развита физически. Я очень боялась чувства любви и съ того дня пропала моя веселость. Я

поѣхала къ матушкѣ, чтобъ подѣлиться съ нею моими чувствами и разсказать ей, что я была вчера въ театрѣ и что̀ я тамъ видѣла. Матушка слушала меня со вниманіемъ и заключила такъ: что въ театръ ѣздить грѣхъ и что она не желала бы, чтобъ я туда ѣздила. Но это уже было поздно, я и не задумалась надъ приказаніемъ матери. Душа моя рвалась, летѣла въ театръ. Я воротилась домой, мой домъ былъ уже у Прасковьи Аксеновны. Она встрѣтила меня словами: «ну, что, разсказала матери, что̀ ты вчера видѣла?» Я передала ей слова матушки; она засмѣялась и сказала, что она опять поѣдетъ скоро въ театръ. Прошла недѣля, и я каждое утро спрашиваю: что, мы сегодня поѣдемъ? П. А. скажетъ: «нѣтъ, ты мнѣ надоѣла». Я даже похудѣла дожидаясь этого дня, но вотъ онъ насталъ—даютъ «Майко» [1]). Афишу я выучила наизусть. Ѣдемъ въ театръ, занавѣсъ поднялся—является Майко любящею дѣвушкою, опять играетъ Вышеславцева; потомъ Майко сходитъ съ ума и поетъ несвязныя пѣсни; я не плакала и не смѣялась, а превратилась вся въ слухъ и зрѣніе; душа моя отдѣлилась отъ тѣла и перешла туда, на сцену; для меня пропалъ міръ земной, я ничего не видала и не слыхала, какъ будто все умерло для меня; когда падалъ занавѣсъ, я уже не спрашивала зачѣмъ и для чего это? Тутъ уже я все поняла, даже поняла и то, что тамъ моя жизнь, а здѣсь ея нѣтъ у меня. Я дрожала вся. П. А. взяла меня за руку, она была какъ ледъ холодная. «Что съ тобою?» спросила она меня, я ничего ей не отвѣтила и просила ее идти на сцену и говорила, что тамъ очень хорошо должно быть. Она мнѣ сказала, что тамъ ужасная гадость, и что туда она не пойдетъ; мнѣ было это очень горько! Но открылось послѣднее дѣйствіе и я тутъ очень плакала. Піеса кончилась, мы поѣхали домой. Я занемогла душою и два дня лежала въ постели. Какія думы, какія желанія, какія надежды тѣснились въ головѣ моей! Жаръ и холодъ ежеминутно смѣнялись, бредъ срывался съ языка—какъ я страдала! Но я уже не жила болѣе этою жизнію, а уже вся перешла на сцену и видѣла себя играющею Майко. Мало-по-малу я пришла въ себя съ такимъ

---

[1]) Плачевная драма П. П. Каменскаго, изъ грузинскихъ нравовъ.

выводомъ: театръ—моя жизнь, а слова матери, какъ живой образъ, явились передо мною: «театръ — грѣхъ»; я такъ и порѣшила, что хоть ты, театръ, и грѣхъ, но я буду твоя, и встала съ постели какъ ни въ чемъ не бывало. Все происходящее со мною я передала П. А. и рѣшеніе мое также, и со слезами на колѣнахъ просила ее помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Она сказала, что я еще дитя, что занятіе это очень трудно и очень серьезно. Но я сказала ей, что у меня нѣтъ больше жизни безъ театра. Она поцѣловала меня и велѣла мнѣ успокоиться, дала мнѣ слово, что она будетъ хлопотать за меня и велѣла мнѣ быть веселѣе. Я, разумѣется, исполнила ея желаніе. Дня черезъ два у насъ было очень много гостей и директоръ театра, И. А. Никольскій, тоже былъ у насъ. Меня позвали въ залъ и приказали мнѣ спѣть что нибудь. Я спѣла русскую пѣсню очень грустную, а именно: «Сяду я на лавочку, погляжу въ окошечко». Эта пѣсня всѣмъ понравилась и меня заставили повторить ее уже съ акомпаниментомъ фортепіано; кто-то, не знаю, мнѣ акомпанировалъ. Всѣ цѣловали и ласкали меня; П. А. взяла меня за руку и подвела къ директору, да и говоритъ ему:—«Не хотите ли, И. А., я вамъ дамъ пѣвицу и актрису? она съума сошла отъ театра, вылечите ее, она вамъ будетъ полезна». Онъ спросилъ, который мнѣ годъ: я сказала: четырнадцатый. Онъ засмѣялся и сказалъ, что я еще очень молода. Я огорчилась этимъ и слезы потекли по лицу. Они стали говорить что-то по французски, а я потихоньку отерла слезы. Потомъ опять спросилъ меня: «ты хочешь быть актрисою?» Я отвѣчала, что жить не буду безъ театра. «Ну, хорошо, я тебя возьму, приходи ко мнѣ, я поговорю съ тобою, вѣдь ты еще ребенокъ». Я ничего не могла сказать, духъ занялся, я схватила его руку и цѣловала ее съ рыданіями; тутъ многіе тоже заплакали и просили Никольскаго, чтобъ онъ взялъ меня. Онъ сказалъ, что онъ возьметъ меня непремѣнно. Тутъ я совсѣмъ обезумѣла и разразилась рыданіями; все, что накипѣло на душѣ моей, вылилося въ этихъ слезахъ; я побѣжала наверхъ и молилась, долго молилась, покуда высохли всѣ слезы на глазахъ. П. А. на другой день велѣла ѣхать къ матушкѣ и сказать имъ непремѣнно, какъ она скажетъ. Тутъ вся радость моя исчезла, я забыла, что она надо мною имѣетъ власть. Но я утѣшилась

тѣмъ, что, во что бы то ни стало, буду актрисою и что назадъ не пойду—и поѣхала къ матушкѣ.

Явилась я къ матушкѣ тише воды—ниже травы, но очень трудно мнѣ было начать говорить съ нею. Много нужно было имѣть силы воли, чтобы сказать такой строгой матери, что дочь ея хочетъ быть актрисою. Она и большихъ-то дѣтей била своими руками, убьетъ она меня, думаю; ну, будь что будетъ, Господи, не оставь меня! Какъ только хочу ей сказать зачѣмъ я пріѣхала, такъ духъ и замретъ. И ходить-то въ театръ грѣхъ, сказала она, такъ тутъ и думать нечего, чтобы она согласилась на мое желаніе; но надо же было рѣшиться, да и я измучилась. Три недѣли прошло въ такой тяжкой пыткѣ. Вотъ я говорю ей: «Мамаша, я за дѣломъ пріѣхала къ вамъ». Она говоритъ: «вижу, что за дѣломъ, вѣрно лоскутковъ просить,—такъ у меня нѣтъ!» Нѣтъ, говорю, не за лоскутками, мнѣ лоскутковъ не надо, а благослови меня, я хочу на сцену поступить. Она остолбенѣла, да и говоритъ: «въ актрисы, что ли?» Да, я говорю, въ актрисы. Глаза у нея загорѣлись такимъ гнѣвомъ, что мнѣ стало страшно, я упала на колѣни и заплакала. Говорю: не отказывайте мнѣ, не губите меня. Не забуду я ея гнѣвъ, она молчала долго, наконецъ, разрѣшился ея гнѣвъ. «Хорошо, говоритъ, ты придумала! Какъ бы я это знала да вѣдала, задушила бы я тебя при рожденіи твоемъ; коли ты не хочешь знать матери, такъ пойди, утопись лучше, а въ театръ не ходи, а если ты ослушаешься меня, то я прокляну тебя, ты это попомни». А если умру, маменька, коли вы не пустите меня въ театръ? —«Умри; я съ радостью схороню тебя, но объ этомъ и думать не моги».

Тутъ она стала бранить П. А., что она довела меня до такого позора, что она развратила меня. Мать моя думала тогда, что театръ есть дѣйствительно мѣсто позора. Горько мнѣ было слушать все это и просьбы мои были бы тутъ напрасны. Я посидѣла немного, простилась, и уѣхала домой. Разсказала все что̀ было П. А. и впала окончательно въ отчаяніе. Тутъ страсть къ театру просто поглотила меня всю! Поговори матушка со мною не такъ, я, быть можетъ, и уступила бы ей, но тутъ я еще упорнѣе рѣшилась защищать себя. Прошла ночь. Утромъ мать явилась къ П. А. и взяла меня къ себѣ; только этого и недоставало, чтобы убить меня оконча-

тельно. Осталась я съ глазу на глазъ съ любовью къ театру и предразсудкомъ, закоренѣлымъ предразсудкомъ. Былъ праздникъ, вся семья собралась къ обѣду; мать объявила всѣмъ мое намѣреніе; тутъ пошли толки какъ и что и, зачѣмъ, и рѣшили всѣ, что этого допускать нельзя; а я уже рѣшилась стоять въ одномъ, да и сказала: «допускайте, или не допускайте меня, но всетаки я не жилица съ вами; работать я не могу больше; только смотрите, чтобы вамъ не пришлось Богу отвѣчать за меня, коли я погибну; а театръ не помѣшаетъ мнѣ быть честною и доброю дѣвушкою», и что въ театрѣ есть очень честные люди.

Мать стала меня уговаривать: что когда я буду большая, то она выдастъ меня за богатаго жениха замужъ. Я сказала, чтобы они обо мнѣ не заботились, мнѣ ничего не надо. Стала я такъ тосковать, что нигдѣ бывало мѣста не найду. Каждый день видѣла П. А., вотъ и радость моя была, потомъ мнѣ и это запретили, боялись, что она учитъ меня. Не взмилился мнѣ свѣтъ Божій, родные точно чужіе стали, и уйдти-то некуда было. Стояла зима. Всѣ веселятся, а я похоронила себя въ горе, да горе! а земля спала подъ бѣлымъ покрываломъ, спала тихо. Но вотъ и мартъ мѣсяцъ, солнышко начало пригрѣвать; надѣну бывало шубку, да и посижу на солнышкѣ; стала я худѣть и просто, кажется, грудь бы свою разорвала на части, такая нападетъ тоска. Я еще разъ попыталась попросить матушку о томъ же; она прогнала меня и не велѣла напоминать ей объ этомъ. Я ушла въ монастырь; тамъ были у насъ знакомыя монахини. Сказала имъ, что не хочу жить больше въ мірѣ и хочу остаться въ монастырѣ. Онѣ стали, разумѣется, спрашивать—зачѣмъ, да почему. Я сказала имъ, что матушка не пускаетъ меня въ актрисы. Онѣ пришли въ ужасъ отъ такихъ словъ, начали меня уговаривать и я стала молиться, читать святыя книги, хотѣла найти нѣтъ ли гдѣ проклятія театру—и что же! открываю первую книгу и читаю: «на всякомъ мѣстѣ владычество Его». Не одинъ монастырь открываетъ намъ райскія двери, но и добрыя дѣла наши! Я спросила себя, кто же запретитъ мнѣ дѣлать ихъ, когда я буду въ театрѣ, и еще стало грустнѣе мнѣ. Покуда я была въ монастырѣ, меня вездѣ искали и потеряли всякую надежду найти меня. Матушка стала тужить и думала, что я утопилась; пришла въ монастырь, чтобы подать молитву обо

мнѣ. Ей сказали, что я тутъ. Я видѣла какъ она обрадовалась этой вѣсти, но грустная, со слезами, матушка пришла къ монашенкамъ и просила ихъ молиться обо мнѣ. Я все это слышала и видѣла, жаль мнѣ стало мою старушку, я упала ей въ ноги, просила прощенія и просила ее еще разъ, чтобы она не губила меня и отпустила бы меня въ театръ съ благословеніемъ. Но она рѣшилась оставить меня въ монастырѣ. Я ушла изъ монастыря прямо къ П. А. и пробыла у нея три дня. Тутъ я узнала какъ этотъ ангелъ любитъ меня. Я разсказала все, что случилось со мною. «Что же ты теперь будешь дѣлать?» спросила она. Я сказала, что теперь-то я непремѣнно буду въ театрѣ, и ничего не боюсь. Я разсталась съ П. А., но тутъ уже могла видѣться съ нею. Мнѣ стало немного полегче, но здоровье мое сильно потряслось.

Воротясь къ матушкѣ, я сказала ей, что напрасно она боится театра, что и монастырь не спасетъ, коли захочешь сдѣлать дурное дѣло, и сказала матушкѣ, что меня тоже удержать трудно и что если она не захочетъ сдѣлать меня дурнымъ человѣкомъ, то чтобы болѣе не мучила меня. Собралась вся семья—произнести мой приговоръ. Откуда взялись у меня смѣлость и сила, не знаю, а сказала имъ всѣмъ, «что если вы не исполните моего желанія, то я могу исполнить свое и, все равно, мнѣ не жить безъ театра, я не пожалѣю себя — Волга велика и для меня найдется въ ней мѣсто». Долго они совѣтовались, долго мучили мою душу, я сидѣла какъ мраморная; меня братъ спросилъ, отчего я не говорю. Нечего, говорю я, нечего мнѣ сказать вамъ, дѣлайте со мною что̀ хотите, но мнѣ не жить съ вами, не ваша я теперь, и Господь васъ накажетъ за то, что такъ меня мучаете. Подошла къ отцу, упала ему на руки и залилась слезами. «Тятя! заступись хоть ты за меня! я умру скоро, у меня грудь болитъ отъ тоски и слезъ». Онъ былъ добръ, уменъ и гордъ, онъ поцѣловалъ меня и сказалъ: «удерживать ее мы не имѣемъ права и отнимать у нея, можетъ быть, счастіе всей жизни! Пусть ее съ Богомъ идетъ на всѣ четыре стороны; еще ее, можетъ быть, и не примутъ».

— «Ну, Богъ съ тобою,—сказала матушка,—только ты знай, что я тебя брошу, живи, какъ хочешь, одна». Горько мнѣ было слушать ее, но камень спалъ съ сердца, я поцѣловала у

ней руку и говорю: «милая, не сердись на меня, я не сдѣлаю ничего дурнаго». Разцѣловалась съ тятей и я ушла на отдыхъ, къ П. А., пробыла у ней два дня и отправилась къ директору. Онъ не узналъ меня: я очень измѣнилась, похудѣла и все дѣтское исчезло съ моего лица. Онъ принялъ меня очень ласково. Я стала просить, чтобъ онъ принялъ меня на службу. Онъ написалъ контрактъ, я подписала по церковно-славянски и взяла копію. Простилась съ нимъ и прямо къ матушкѣ. Былъ великій четвергъ, всѣ были дома, и отецъ причащался. Я упала въ ноги матушкѣ. «Дѣлайте,—говорю,—со мною что хотите, а дѣло сдѣлано: вотъ и бумага, контрактъ». Мать всплеснула руками, такъ и ахнула. Батюшка ласкалъ меня и цѣловалъ. «Полно, говоритъ, дура, плакать-то, молодецъ дочка, такъ ихъ и надо, вся въ меня, право молодецъ, только одно, что маловата еще больно, не сладишь; только веди себя хорошенько, не позорь отца, и такъ ужъ я позору-то натерпѣлся досыта; да не забывай отца съ матерью». Тутъ ужъ всѣ помирились со мною и разговору не стало. Началось мое торжество, праздникъ великій, выстраданный моимъ дѣтскимъ сердцемъ, выплаканный горькими слезами. «Вотъ сегодня, мама, я буду много ѣсть и высплюсь досыта», говорю я мамѣ, а она такъ тяжело вздохнула.

Настала Пасха. Какъ я веселилась, бѣгала, играла! на качеляхъ качалась и слетѣла съ нихъ съ самаго верха, думали всѣ, что до смерти убилась, часа два лежала безъ памяти, но однако опомнилась. Эту Пасху я также праздновала торжественно душою-то моею, какъ здѣсь она празднуется, въ Москвѣ, въ Кремлѣ. Вѣдь не шутка тоже, я актриса, я буду играть роли и меня, быть можетъ, будутъ также любить какъ Вышеславцеву, и восторгъ необъяснимый разливался по всему моему существу. На другой день я пошла поздравить директора съ праздникомъ, и онъ поздравилъ меня, и объявилъ, что на первый разъ онъ дастъ мнѣ жалованья пятнадцать рублей ассигнаціями и квартиру въ театральномъ домѣ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, и даже съ мебелью. Я поцѣловала у него руку. Онъ велѣлъ мнѣ послѣ праздника переѣхать, что онъ дастъ мнѣ дѣло, такой былъ ласковый со мною. На третій день я отправилась къ Прасковьѣ Аксеновнѣ и пробыла у нея всю Пасху. Боже мой, сколько разговору, сколько радости, а горести всѣ были поза-

быты! Помню, что она говорила мнѣ: «Слушай, Люба, когда ты будешь большая, ты поймешь свое назначеніе и чего ты такъ тяжело добивалась; ты узнаешь всю трудность къ достиженію того, что такъ плѣнило тебя; дай Богъ, чтобы счастье тебя не оставляло». Я простилась съ нею самымъ теплымъ, задушевнымъ прощаніемъ и отправилась домой. Сказала матушкѣ, что мнѣ дали жалованье, квартиру, отопленіе и освѣщеніе, съ чѣмъ она меня и поздравила. Я говорю, что послѣ завтра мнѣ надо будетъ ѣхать въ театръ и тамъ остаться. «Что же, поѣзжай, сказала матушка, живи тамъ», а слезы такъ и потекли по лицу. Долго плакала старушка моя, жаловалась на непочтеніе дѣтей своихъ. Я не понимала этого, потому что любила ее, и стало мнѣ опять ее жаль. Я просила ее, чтобъ она не отпускала меня одну, а переѣхала бы со мною; а куда я звала ее—и сама не знала, можетъ быть, и одной-то ни лечь, ни сѣсть. «Не поѣду я съ тобою, и одна съ толку собьешься, такъ хоть глаза не увидятъ; коли хорошо жить будешь, такъ и послѣ пріѣду, коли станешь хорошо держать себя». Не ожидала я, что она пуститъ меня одну, страшно мнѣ сдѣлалось. Собирать мнѣ было нечего, въ мой походъ: связали мнѣ узелочекъ, благословили образочкомъ. Батюшка былъ выпивши, перекрестилъ меня, да и говоритъ мнѣ: «Не приходи сюда больше, заѣдимъ мы тебя», и тутъ только сознала я, что мнѣ нѣтъ уже возврата къ прошедшему. Сердце мое облилось кровью, поплакала немного, да и въ путь, взяла образокъ, которымъ благословили меня, взяла узелокъ. Распустила птичка крылышки да и полетѣла на новое гнѣздышко—въ ветхое зданіе нижегородскихъ театровъ, и Господь тебѣ по пути.

III.

Нижегородскій театръ.—Труппа.—Первый дебютъ.—Картины на Волгѣ.—Богомолье въ Саровской пустыни.—Признанія крѣпостной актрисы.—Петербургскіе артисты.—Отъѣздъ въ Ярославль.

Я съ большимъ трудомъ пришла къ моему новому жилищу. Дворъ широкій, зеленый и длинный, и на томъ дворѣ многое множество разныхъ домовъ, и большихъ, и малыхъ, и въ этихъ-то домахъ помѣщалась вся труппа Нижегородскаго театра. Я постояла у воротъ немного—отдохнуть ли хотѣла, или съ духомъ собраться, не знаю; потомъ пошла отъискивать дворника,

нашла его. Личность эта была страхъ наводящая. Большой, лицо красное, волосы на головѣ всклокоченные, голосъ грубый. Такъ и захрипѣлъ: «тебѣ что надо?»

— Я новая актриса,—говорю,—покажи мнѣ мою квартиру.

— «Изволь, ступай на верхъ; я сейчасъ приду, только ключъ возьму».

Я, было, въ первый домъ сунулась, а онъ на меня зарычалъ: «Не въ этотъ! вонъ въ большой-то, на второе крыльцо, да наверхъ и иди!»

Иду на верхъ—и куда ни взгляну, такъ сердце и сожмется. Крыльцо, къ которому я подошла, поразило меня своею грязью, и лѣстница, ведущая на верхъ, тоже. Вошла наверхъ, стою и жду дворника. — Тутъ старушка Аксакова, оказавшаяся тоже актрисой, подошла ко мнѣ и спросила: «Тебѣ,—говоритъ,—кого надобно, милая?» Я ей сказала, что опредѣлилась актрисой, и жду дворника съ ключомъ отъ моей квартиры. «Да что же ты одна, развѣ ты сиротинка?»

— Нѣтъ, у меня есть и отецъ и мать, да они послѣ придутъ,— и тутъ я заплакала.

Старушка меня обласкала и велѣла зайти къ ней послѣ. Пришелъ дворникъ, отперъ мое новое жилище, ключъ и замокъ отдалъ мнѣ: «Смотри же, запирай за собой какъ выбѣжишь куда».

— Спасибо, дѣдушка!—Я вошла въ мою роскошную палату: высокая, свѣтленькая угольная комната въ три окна; одно въ ширину, да два въ длину; и это окошечко выходило на широкую зеленую луговину, и вся Волга изъ него была видна, что мнѣ очень понравилось. — Вошла я, перекрестилась и, постоявъ у этого окошечка, вынула образокъ, поставила его тутъ же — и подумала: это окно будетъ мое любимое! Два другія окна выходили на дворъ не совсѣмъ-то чистый. Вдоль всего двора, по забору, были натянуты веревки для развѣски бѣлья.

Не могу умолчать объ убранствѣ моей комнаты. Столъ, когда-то бѣлый, теперь дымчатый отъ грязи и пыли; три стула, изъ нихъ одинъ цѣльный, другой красный съ переплетомъ изъ толстой и широкой тесьмы, третій—черный съ соломкой, которая была продавлена съ одной стороны; онъ же былъ на трехъ ножкахъ и потому стоялъ въ углу; скамейка большая, широкая, между двумя окнами, и надъ ней висячій поставецъ для чайной и всякой посуды; у

двери еще другой шкафъ, потомъ по стѣнѣ кровать съ матрасомъ, набитымъ не то сѣномъ, не то соломой, но очень грязнымъ, и угольникъ для образа. Я отошла отъ окна, положила узелокъ на столъ, помолилась Богу, и заглянула въ шкафъ: онъ былъ для платья, но грязный-прегрязный. Вотъ и вся бѣдная картина жилища богатой надеждами актрисы—ребенка, обреченной на выходы сначала, и на разныя безсловесныя театральныя потребности.

Разобравъ принесенныя съ собою въ узелкѣ мои платья, пошла я по длинному корридору къ Аксаковой. Добрая старушка приласкала меня, напоила чайкомъ и все разспрашивала, откуда я и какъ къ нимъ попала. Я посовѣстилась сказать ей правду и отвѣчала, что я отъ бѣдности пошла на театръ; Аксакова спросила, за жалованье или такъ? Я отвѣчала: за жалованье, и она предложила харчеваться у ней, т. е., что я могу у ней пить и ѣсть, но чтобы я за это ей платила десять рублей въ мѣсяцъ. Я очень обрадовалась этому, и, разумѣется, сейчасъ же согласилась. Напилась я чайку, и попросила ее дать мнѣ горячей воды, для того, чтобы все вымыть и вычистить въ моемъ жилищѣ. Она позвала кухарху и велѣла все сдѣлать и дать мнѣ что̀ нужно. Я прежде всего принялась за окна, вытащила зимнія рамы, отворила лѣтнія; потомъ выпотрошила матрасъ, наволочку выстирала, вымыла, повѣсила ее къ русской печкѣ сушить, а сама вымыла окна, столы, стулья, полъ и шкафъ. Все заблестѣло у меня чистотой и порядкомъ! Матрасъ опять былъ набитъ свѣжимъ сѣномъ и соломой. Я очень устала и обѣдала съ большимъ аппетитомъ, съѣла почти все, что изъ дому принесла, и Аксакова дала мнѣ щецъ горяченькихъ. Къ вечеру батюшка привезъ мою постельку и сундучекъ съ полнымъ домомъ и сундучекъ съ лоскутками. Я такъ ему обрадовалась, точно годъ я его не видала, и оставила ночевать у себя, а то одной очень страшно было на первый-то разъ. Тятя ушелъ купить чаю съ сахаромъ, а я стала разбирать мои пожитки и хозяйство. Были у меня четыре тарелки, чашка для горячаго, одинъ ножикъ, двѣ вилки, солоночка, глиняная чайная чашка, одинъ чайникъ бѣлый и чайная ложка полусеребряная, которую тятя купилъ потихоньку отъ матушки, столовая, деревенская, малиновая скатерть для стола и двѣ салфетки: вотъ и все мое хозяйство! Что же касается до гардероба,

онъ былъ богаче: нарядное платье, шелковое бухарское, желтенькое съ черными полосками, потомъ кисейное съ мушками, два платьица холстинковыхъ, одно розовое, а другое сѣренькое; салопъ розовый съ зеленымъ бархатнымъ воротникомъ, и шубка бѣличья синяя, очень коротенькая; было еще два шейныхъ платка, одинъ теплый, другой газовый, шарфъ тоже газовый, два чепчика тюлевыхъ: одинъ съ розовыми ленточками, другой съ голубыми; маленькая перинка, двѣ подушки, двѣ простыни коленкоровыя съ кружевомъ своего плетенія и одѣяло изъ разныхъ очень мелкихъ лоскутковъ, тоже своей работы. Вотъ и все богатство мое! Я описываю до мелочей все касающееся до меня, для того, чтобы была видна вся жизнь моя во всѣхъ началахъ ея, и какъ и съ чѣмъ я пошла въ этотъ трудный путь житейскій.

Юности у меня не было, положительно! Было дѣтство, т. е. младенчество, а потомъ младенчество смѣнилось жизнью дѣйствительной - трудовой, бурливой, слишкомъ серьезной для моихъ лѣтъ, и — что странно: никто изъ моихъ близкихъ не умѣлъ такъ радостно радоваться и такъ печально горевать какъ я; непережитая юность и до сей поры осталась во мнѣ, я и теперь иногда бываю ребенкомъ, да не нынѣшнимъ, а былыхъ временъ. Дѣти настоящаго времени мало бываютъ дѣтьми и скоро пресыщаются жизнью, и ничему не радуются, и ничто ихъ не печалитъ, вообще отживаютъ скоро.

На третій день пріѣхалъ нашъ директоръ, позвалъ меня къ себѣ; я явилась и онъ велѣлъ мнѣ ходить учиться пѣть и танцовать. Началась моя сценическая дѣятельность; директоръ велѣлъ еще ставить на выходы. На другой день меня позвали въ классъ пѣнія; оказалось, что я не одна учусь пѣть, а тамъ учатся и другія дѣвицы, подобныя мнѣ неумѣйки, и старше меня, и моложе; мы познакомились. Онѣ, конечно, начали насмѣшками надо мной, такъ что учитель велѣлъ имъ замолчать, а я—чуть не въ слезы. Училъ насъ тогда по скрипкѣ музыкантъ Михаилъ Маіоровъ; для перваго раза я стала тянуть какую-ту гамму, и у меня оказался голосъ лучше всѣхъ. Насмѣшки надо мной прекратились. Послѣ класса мы познакомились; тутъ были: Маіорова, Семенова и Стрѣлкова Сашенька, такая толстушка и маленькая ростомъ. Уроки пѣнія потомъ были превеселые. Дали мнѣ бумажку съ линеечками и на каждой линеечкѣ кру-

гленькій оникъ, и подъ каждымъ оникомъ поставлена буква; велѣли мнѣ ее выучить наизусть. «Мудреная это исторія,—подумала я,—ни за что не выучу!» а учитель нашъ строгій былъ такой, сдвинетъ бывало брови, такъ страшно. Классы пѣнія были два раза въ недѣлю. Я свои оники заучила наизусть, и оказалась исправною ученицею. Прежде мы пѣли всѣ хоромъ; потомъ учитель сталъ заниматься со мной иногда особенно, потому что голосъ мой былъ положительно лучше другихъ.

На слѣдующій день я пошла въ танцовальный классъ, тамъ опять мы всѣ были; не упомню, кто тогда училъ танцовать, но не забыла, что я начала прямо съ па-де-баскъ; тогда ставили балетъ «Волшебную Флейту», и начинали учить тѣ самыя па, какія нужны были для балета; я училась очень прилежно и хорошо и тому и другому предмету, но балетъ мнѣ плохо давался, а пѣніе шло очень хорошо, Маіоровъ мной былъ очень доволенъ. Потомъ, долго не откладывая, прислали мнѣ роли, не одну — двѣ разомъ: крестьянки изъ «Женевской Сироты», и горничной изъ «Комедіи съ дядюшкой». Что со мной было при полученіи этихъ двухъ ролей! Я не знала куда дѣваться съ ними отъ радости, показывала ихъ всѣмъ. Мнѣ сказали, чтобы я пошла къ Стрѣлковой (Фіонѣ Ивановнѣ) и попросила ее показать мнѣ какъ играть эти роли. Я выучила «Женевскую Сироту» наизусть, съ большимъ трудомъ, потому что письменное я разбирала плохо и очень трудно, и пошла къ Фіонѣ Ивановнѣ. Говорю: я такая-то, поцѣловала у ней ручку и просила ее поучить меня, какъ мнѣ играть на сценѣ. Она заставила меня вслухъ читать. Мнѣ стало и стыдно и страшно; она поучила меня какъ надо играть и подшучивала надо мной! Она занимала тогда лучшую квартиру во всемъ домѣ; квартира была вся въ коврахъ, диваны, стулья такіе славные, что я заглядѣлась на нихъ. Стулъ, на которомъ она сидѣла, былъ на возвышеніи; я тогда подумала, что она царица какая! Она тогда играла важную роль при театрѣ. Я опять поцѣловала у ней руку, поблагодарила ее и ушла, въ полной увѣренности, что я теперь ученая актриса и съиграю отлично.— а меня къ ней послали на смѣхъ, чтобъ позабавить ее; послѣ долго смѣялись надо мною.

Тутъ я было простудилась: было холодно еще, а у меня

были выставлены рамы; Волга сломала ледъ въ концѣ Святой недѣли. Пасха была теплая очень, но, когда Волга ломаетъ ледъ, дѣлается очень холодно. Любовь моя къ театру спасла меня.

Назначили репетицію «Женевской Сироты». Сироту эту играла Вышеславцева, мой кумиръ тогда и понынѣ, прекрасная, умная, талантливая актриса. Когда я увидала ее на репетиціи такъ близко и какъ подумала, что играю въ одной съ нею піесѣ—такъ и растаяла! Думаю: «не встать ли мнѣ передъ ней на колѣни, да не сказать ли ей, что я ее очень люблю?» и я сдѣлала бы это, кабы не пришла мысль, что она будетъ надо мной смѣяться. Началась репетиція: я вышла на сцену, мнѣ велѣли выбѣжать; я выбѣжала, начинаю говорить мою роль. Мнѣ кричатъ: «постой! постой! дай намъ-то прежде сказать! вѣдь тутъ и мы должны говорить». Начали учить меня какъ мнѣ нужно выжидать другихъ и слушать мои реплики; я все сдѣлала. Три раза прорепетировали мою сцену. Дѣло пошло очень хорошо. По моей роли я объясняла, что бесѣдка горитъ, въ этой бесѣдкѣ спитъ госпожа, которая для всѣхъ благодѣтельница, а бесѣдку зажгли какіе-то люди. На репетиціи это дѣло какъ осмыслилось, такъ и стало хорошо.

Вышеславцева меня похвалила. Этой радости было съ меня довольно, чтобъ сдѣлать меня вполнѣ счастливой. На другой день былъ назначенъ спектакль. Всю ночь я не могла заснуть, а утромъ опять была репетиція. Насталъ и вечеръ. Сердце у меня съ утра было не на мѣстѣ, и страшно-то мнѣ и весело было. Вечеромъ одѣли меня въ коротенькое красненькое платьице, въ черный лифчикъ съ коротенькими рукавами, бѣлый кисейный фартучекъ; на голову надѣли черную круглую шляпу, которая мнѣ была очень велика. Начался спектакль, и мнѣ надо было бѣжать на сцену: «бѣги», говорятъ мнѣ, а у меня ноги приросли къ полу; кто-то сзади вытолкнулъ меня на сцену, такъ сильно, что я невольно должна была побѣжать, да всю свою роль проговорила съ начала до конца безъ остановокъ, съ такимъ жаромъ и одушевленіемъ, что никому не дала сказать ни одного слова, заплакала и убѣжала со сцены; заплакать надо было по піесѣ, а я и въ самомъ дѣлѣ заплакала! Публикѣ это понравилось, меня вызвали и аплодировали мнѣ очень долго, а за кулисами смѣхъ такой пошелъ, что я никому не дала сказать

слова. У меня закружилась голова отъ радости, что меня вызвали и что мечта моя осуществилась. Вышеславцева меня обласкала, велѣла къ ней придти. «У меня, говоритъ, такая же есть актриса Маша, моя племянница». Мы познакомились, потомъ были съ Машею подругами.

Какъ я была довольна, какъ я молилась въ этотъ вечеръ, и не умѣла благодарить Царя небеснаго! Воротясь домой, дала себѣ слово не спать всю ночь. Ночь была лунная, теплая, ледъ уже прошелъ на Волгѣ, я погуляла по лугу; воротясь домой, поужинала и сѣла къ окну глядѣть на луну и Волгу. Какъ мнѣ было хорошо въ этотъ вечеръ. Я и теперь не могу дать отчета, что̀ я чувствовала, а такъ просто — было хорошо! и глядѣла я на луну и на Волгу, и на Волгѣ слышались пѣсни бурлаковъ, то полныя грусти, то полныя радости; такъ покойна была эта ночь и все я пѣла пѣсни, у открытаго окошка, и не было человѣка счастливѣе меня въ цѣломъ мірѣ. Стала заниматься заря: свѣжо сдѣлалось въ воздухѣ, и сквозь легкій туманъ, точно сквозь кисейное покрывало, на Волгѣ стали показываться караваны. На Волгѣ какъ только сойдетъ ледъ, иногда еще и не совсѣмъ, идутъ цѣлыми стадами суда разной величины и красоты. Волга съ Окой подъ Нижнимъ разливаются верстъ на сорокъ шириною, по отлогому берегу; затопитъ всю ярмарку, всѣ луга, всѣ селенья, всѣ лѣса вокругъ себя; у лѣсовъ, въ иномъ мѣстѣ, только и видны однѣ макушки, а селенія словно на ладошкѣ стоятъ на бѣломъ пескѣ и такая-то красота, что глядишь, глядишь, и не насмотришься, только вздохнешь, да сотворишь молитву. Вотъ, по широкой Волгѣ идутъ караваны; далеко, далеко видна рѣка въ разливѣ; изъ Нижняго съ откоса, при солнышкѣ, даже Балахну видно. Стало уже свѣтло, вотъ показалось одно суденушко какъ точка, а потомъ сдѣлается чайкой... Чайка растетъ, растетъ, и летитъ на своихъ бѣлыхъ крылышкахъ—парусахъ внизъ по Волгѣ-матушкѣ, а за нею точно въ погоню гонятся, и еще и еще съ бѣлыми какъ снѣгъ парусами въ три и даже въ четыре яруса, по три, по четыре, по пяти судовъ въ рядъ, а изъ-за горы имъ на встрѣчу встанетъ солнышко, и прямо такъ и глянетъ имъ въ лицо. Какая эта картина бываетъ чудная! Туманъ на парусахъ отливаетъ радугой; радуга идетъ все выше и выше, очистится весь воздухъ и освѣтится

весь караванъ и глазъ не можетъ видѣть конца ему! Сдѣлается и грустно и радостно, и такая тишина кругомъ тебя, точно самъ Господь сошелъ на землю, чтобъ водворить эту тишину и чтобы поставить каждое дѣло своей рукой великой на свою святую землю. Въ это утро случилось несчастье на Волгѣ, на самой стрѣлкѣ. Было уже часовъ шесть утра, быстро шло одно суденышко, полное грузомъ, потому что глубоко сидѣло въ водѣ, и въ одну минуту перевернулось носомъ внизъ. Вся прислуга бросилась спасаться, начался крикъ о помощи, косныя лодки роемъ полетѣли къ нимъ на помощь, и, какъ узналось послѣ, почти всѣ были спасены. У разшивы же прорѣзало льдиной самый носъ и разшива пошла ко дну со всѣмъ грузомъ. Да, Волга, какъ холодная красавица, любитъ жертвы; ни одна рѣка не поглощаетъ столько человѣчества какъ Волга, потому ли, что она людна очень, или потому что быстра—Богъ ее знаетъ.

А какъ хороши были прежде суда на Волгѣ, покуда пароходы не вырубили лѣсовъ по берегамъ и не избороздили всей Волги; разшива, напримѣръ, что̀ это за прелесть! Большая, широкая, съ крутымъ, расписнымъ носомъ! Вся, начиная съ бортовъ, унизана рѣзной работой, разрисована яркими красками изображеніями венеръ и сиренъ, которыя глядятся въ воду. Мачта высокая, оснащенная канатами разной толщины. съ разными украшеніями; да какъ поднимутъ паруса — ну, точно царица водяная, роскошная, богатая! Стоитъ на якорѣ— такъ къ ней и подъѣхать-то страшно, а на ходу того гляди раздавитъ....

Не знаю ужъ когда я уснула, на томъ окнѣ, и видѣла во снѣ, что я играю большія роли, какъ-то «Майко», «Красное покрывало», и др. и такъ мнѣ стало страшно и холодно. Аксакова разбудила меня и выдрала за ухо, зачѣмъ я отворила окно.

— «Опять,—говоритъ,—тебѣ простудиться захотѣлось! иди чай пить!»

Добрая старушка, я такъ полюбила ее. Было девять часовъ, а мнѣ такъ шею было больно, повернуть не могла, а она еще тутъ за ухо деретъ! Надулась я и пошла чай пить, а Аксакова была истинно добрая женщина.

Второй мой дебютъ не замедлилъ представиться; второй

спектакль былъ на Ѳоминой — балетъ «Волшебная Флейта» и «Комедія съ дядюшкой». Я участвовала въ балетѣ, и танцовала съ помеломъ въ рукахъ; играла Лизу горничную въ «Комедіи съ дядюшкой». Этотъ спектакль прошелъ благополучно. Потомъ стали ставить еще «Роберта»; я участвовала въ хорѣ. Голосъ мой всѣ признали очень хорошимъ; директоръ велѣлъ мнѣ разучивать двѣ партіи: въ «Волшебномъ Стрѣлкѣ»—Агаты и въ «Аскольдовой могилѣ»—Надежды. Обѣ эти піесы велѣно было готовить къ ярмаркѣ. Какъ у меня въ головѣ закипѣло и зашумѣло: такія двѣ роли дали, что лучше ихъ во всемъ театрѣ нѣтъ; принялась я ихъ учить съ такой радостью, съ такимъ рвеніемъ, и дала себѣ обѣщаніе—какъ только выучу ихъ, то поѣду молиться Богу, и поклониться отцу Серафиму въ Саровскую пустынь. Въ теченіе одного мѣсяца я почти приготовила совсѣмъ мои двѣ оперы; сдѣлали мнѣ репитиціи и велѣли отдохнуть. Я попросилась у директора ѣхать въ Саровъ, чтобы исполнить данное обѣщаніе; онъ пустилъ меня и далъ цѣлковый на дорогу; тутъ и Вышеславцева тоже дала цѣлковый и велѣла привезти просвирочку. Родныхъ моихъ я стала видать рѣдко, Прасковью Аксеновну тоже, но я сходила и простилась съ ними. Моя благодѣтельница дала мнѣ три рубля на дорогу. Поѣхала я не одна, со мною поѣхала еще Семенова, молоденькая хорошенькая актриса, и актеръ Николаевъ, женихъ ея. Наняли мы телѣгу парой до Арзамаса; въ Арзамасѣ я хотѣла пробыть нѣсколько дней у сестры моей. Снарядились и отправились въ путь.

До Арзамаса доѣхали очень скоро. Нечего и говорить о встрѣчѣ съ сестрой моей: она любила меня и мы обѣ поплакали отъ радости; разсказамъ конца не было. Привѣтъ сестры моей навсегда останется у меня въ памяти, теплый, радостный. У ней уже у самой были дѣти, но, чтобы не разставаться со мной скоро, она рѣшилась сама ѣхать въ Саровъ, даже съ груднымъ ребенкомъ. Лошадей намъ тутъ дали даромъ—крестная мать моей сестры. Мы отправились въ Саровъ рано утромъ, съ тѣмъ чтобы заѣхать въ гости на обѣдъ къ одному помѣщику, у котораго былъ свой театръ и оркестръ.

Пріѣхали мы и къ помѣщику, приняли насъ со всѣмъ парадомъ и обѣдъ былъ чудный. Помѣщикъ этотъ былъ больше звѣрь, чѣмъ человѣкъ. Показали намъ театръ; дѣвушекъ

у него было двѣнадцать, всѣ въ ситцевыхъ платьяхъ и черненькихъ фартучкахъ. Это, — говоритъ, — все актрисы. Онѣ были всѣ такія изнуренныя, не многія изъ нихъ были похожи на живыхъ людей; жили онѣ всѣ на верху, то есть во второмъ этажѣ. Въ домѣ было чистенько, но ничего особеннаго, и все вмѣстѣ принимало такой унылый видъ. Мнѣ стало какъ-то нехорошо у помѣщика, и я просила, чтобы уѣхать поскорѣй. Видъ этихъ дѣвушекъ такъ нехорошо на меня подѣйствовалъ. Послѣ обѣда мы стали собираться въ путь; ѣхать въ Саровъ съ нами здѣсь оказалось много желающихъ, и на этомъ основаніи мы должны были своихъ лошадей оставить здѣсь, а намъ снарядили тройку хорошихъ лошадей и линейку. Поѣхало насъ двѣнадцать человѣкъ. Лошади летѣли и чрезъ два часа мы были въ Саровской пустыни. Дорога къ Сарову шла густымъ высокимъ Муромскимъ лѣсомъ, верстъ на двадцать шириною, и что это за лѣсъ! чудо,—ровный, густой! дорогой было весело, всѣ говорили, смѣялись много.

Только что миновали лѣсъ, вся пустынь намъ открылась, со всѣми церквами и какъ снѣгъ бѣлыми зданіями; красива она, очень красива! Стоитъ на высокой горѣ, окруженная дремучимъ лѣсомъ, и какъ поясомъ опоясалась своей маленькой рыбной рѣчкой Саровкой.... какъ теперь я вижу всю ее! Какой это прекрасный, Богомъ благословенный уголокъ! Проѣхали мы мостикъ и поднялись на гору, такъ быстро, что я вздохнуть не успѣла. У крыльца пріютъ для странниковъ; вышли изъ линейки, я перекрестилась и помолилась на соборъ; сейчасъ же всѣ мы отправились къ собору поклониться гробницѣ отца Серафима; гробница его была подлѣ самаго алтаря. Вечерня уже отошла, мы помолились и приложились къ чудотворному образу Божіей Матери. Потомъ пошли гулять и осмотрѣли всю обитель; какая вездѣ бѣлизна, чистота, точно она сейчасъ выстроена и человѣкъ еще не жилъ въ ней, пылинки нѣтъ, вѣтру поиграть не съ чѣмъ. Церквей много, у келій у всѣхъ садики фруктовые и покрытые сѣтками, а большой садъ идетъ по всей горѣ, идетъ до самой рѣчки. Соборъ большой прекрасный. Какъ мнѣ понравилось тогда тамъ, въ этой пустыни: такое благочестіе, такая святость покоилась на ней! Всѣ монахи—да, всѣ до единаго, внушали уваженіе своей скромной одеждой, своими истощенными лицами; ни одного мо-

наха не встрѣтите въ этой пустыни толстаго съ краснымъ носомъ и съ наглыми глазами. Саровская пустынь окружена густымъ темнымъ лѣсомъ, и конца этому лѣсу глазъ не видитъ! Только свѣтлыя главы церквей мелькаютъ кой-гдѣ сквозь вѣтви, да еще видна обитель женская, Дѣвій монастырь, какъ ее называютъ, верстахъ въ пятнадцати отъ Сарова, тоже въ лѣсу. Погулявши достаточно, напились чайку вмѣстѣ съ ужиномъ и полеглись спать.

Я встала къ заутрени съ одной старушкой, была и у обѣдни, отслужила молебенъ чудотворному образу и панафиду отцу Серафиму. Потомъ пошла прямо въ трапезну; тамъ былъ общій столъ, особенно никому не подавали и говорили, что здѣсь всѣ равны, у насъ одинъ общій столъ, и дѣйствительно вся толпа вошла въ трапезну, а инымъ, кому недостало мѣста, накрыли столъ на дворѣ. Трапеза была отличная: прежде были поданы блины; потомъ уха, потомъ грибное блюдо и жареная рыба, потомъ аладьи съ медомъ и ягоды съ молокомъ. Монахи говорили, что у нихъ бываетъ постоянно такая трапеза для богомольцевъ, но болѣе трехъ дней тамъ оставаться никто не можетъ. Молящіеся тамъ бываютъ все больше народъ простой, русскій, но обитель богатая; всѣ монахи сами обрабатываютъ землю, остаются въ монастырѣ только старый и немощный, но, кто бы ни былъ посвятившій себя въ эту обитель, долженъ былъ нести самъ всѣ тягости трудной работы. Послѣ обѣда мы еще разъ поклонились святому угоднику, и отправились въ путь.

Было воскресенье. Только что мы проѣхали лѣсъ, отъ котораго дорога шла волокомъ къ какому-то большому селенію, помѣщавшемуся на двухъ горахъ. Посрединѣ былъ глубокій ровъ, опушенный мелкимъ кустарникомъ; при въѣздѣ въ село шла крутая гора, отъ самыхъ воротъ до мостика чрезъ ровъ. Лошади наши заиграли, кучеръ сдерживалъ, но онѣ заупрямились; кучеръ собралъ силы, чтобъ остановить ихъ, и вдругъ у коренной лопнула возжа, и онѣ понесли насъ, да не попали въ ворота, а однимъ бокомъ наѣхали на воротный столбъ, экипажъ нашъ опрокинулся набокъ! Кто какъ могъ, тотъ такъ и повалился; меня и старуху тащило по селу, но мужики, увидавъ это событіе, на всемъ бѣгу остановили лошадей нашихъ. Не будь праздникъ,

отслужили бы по насъ тутъ же панафиды. Подняли насъ; кучеръ былъ ушибленъ сильно, и умеръ чрезъ мѣсяцъ, старуха ногу сломала, а я оставила всю кожу со спины на дорогѣ, да не чувствовала ничего, вскочила и побѣжала къ сестрѣ; она сидѣла посреди дороги съ ребенкомъ на рукахъ. Изъ господскаго дома вышли къ намъ на помощь гувернантка, горничная и лакей съ водой и виномъ, и стали они мнѣ размывать спину; тутъ уже не помню ничего, но знаю, что какъ они налили мнѣ на спину воды съ виномъ, я такъ и покатилась замертво. Не помню какъ мы пріѣхали къ знакомому помѣщику, и какъ меня положили наверху въ постель. Долго я не могла спать ни на боку, ни на спинѣ, а спала положа голову на руки, да къ стѣнкѣ прижмусь—такъ и усну. Помѣщикъ вечеромъ пришелъ навѣстить меня, и такъ посмотрѣлъ на меня, что сталъ онъ мнѣ гадокъ, я попросила его уйти; онъ прислалъ мнѣ дѣвушку, которая должна была и ночевать со мной. Дѣвушка пришла съ красными отъ слезъ глазами. Я ничего не могла спросить у ней, о чемъ она плачетъ, потому что сама страдала ужасно. Я объ себѣ заговорила: — дай — говорю—мнѣ, милая, водицы выпить, тебя какъ зовутъ?

— «Парашей». Дала воды.

— Вотъ,—говорю,—милая Параша, какъ я изранена; вотъ—пожалуй, кожа у меня другая не выростетъ!

— «Нѣтъ, барышня, выростетъ, а вотъ у насъ такъ знать радостей-то не выростетъ!» и опять заплакала.

— Развѣ тебѣ, Параша, не хорошо здѣсь жить? Милая, что это ты такъ плачешь, полно!

— «Ахъ, барышня! Богъ отъ насъ отступился, вотъ что!»

— Ахъ, Параша, грѣхъ такъ говорить, Богъ ни отъ кого не отступается. Коли тебѣ скучно, ты лучше помолись; это на тебя искушеніе нашло!

— «Нѣтъ, барышня-матушка! такъ тяжело, иной разъ руки бы на себя наложила, да тоже Бога боишься! Вотъ мы мученицы просто! Вѣдь баринъ-то нашъ хуже пса какого! злодѣй онъ, ему и на каторгѣ нѣтъ мѣста, развратникъ! Теперь насъ у него десять дѣвокъ; возьметъ отъ отца и матери, станетъ грамотѣ учить, чтобы, вишь ты, на кіятрѣ играть разныя штуки, а самъ

изъ дѣвки-то всю кровь выпьетъ, а потомъ замужъ отдастъ за какого постылаго мужика. Теперь и дѣвокъ-то, почитай, ни одной нѣтъ во всей деревнѣ, кромѣ маленькихъ. Намедни пришла Настасья съ женихомъ, чтобъ повѣнчать велѣлъ, просится; нельзя теперь, говоритъ; Настасья хорошенькая; ей, говоритъ, надо еще поучиться, а ты, говоритъ мужику-то, и не думай объ ней; такъ тотъ и пошелъ, а она хочетъ въ рѣку броситься. Не буду, говоритъ, учиться у него, вотъ что. Вотъ, Липку прогналъ, и помучилась она, не хочу, говоритъ, я у васъ, баринъ, жить, хоть живую въ землю закопайте. Побился, побился, да и прогналъ, иди, говоритъ, куда знаешь, только не смѣть у меня въ деревнѣ жить! Пропала куда-то, ни слуху ни духу нѣтъ! Отцы-то съ матерями плачутъ, плачутъ, просятъ, чтобъ онъ не бралъ насъ, а онъ еще нарочно поскорѣй возьметъ, подержитъ, подержитъ, да за какого ни на есть мужика и отдастъ. Аксюшку мужъ-то въ гробъ заколотилъ, ты, говоритъ, барская наложница, такъ и жила бы съ нимъ! да такъ-то многихъ. Мужики жаловаться на него ходили, такъ онъ имъ же сказалъ: не велите дѣвкамъ своимъ виснуть ко мнѣ на шею! да мужиковъ-то всѣхъ передралъ, чтобы впередъ не жаловались! Да, матушка-барышня, я хоть и сиротинка, да жаль очень себя-то, сколько разъ утопиться хотѣла, да нешто легче будетъ? И душу то-загубишь, а ужъ какъ невыносно, что и сказать нельзя».

Опять Параша заплакала. Мнѣ стало такъ жаль ее, что и я заплакала тоже.

— «И мужики-то и дворовые всѣ измучены, — продолжала она,—и на охоту, и въ кіатръ играть; всѣ, какія есть, молимся Богу-то, чтобъ скорѣй издохъ, да не издыхаетъ!»

Мы поплакали порядкомъ, я положила голову на руки, облокотилась на локотки; дѣвушка мнѣ положила подушку на колѣни, и я облокотилась на нее; спина моя болѣла очень сильно, и мнѣ предстояло такъ ночевать очень долго.

Такъ меня эта дѣвушка опечалила разсказомъ о своемъ баринѣ, что и земля-то мнѣ показалась кровяною въ этой деревнѣ. О, Господи! какъ подумаешь, что́ было тогда, и что̀ теперь стало! Тяжело вздохнешь и печально о томъ, что̀ было даже двадцать лѣтъ тому назадъ, и какою радостью наполнится сердце каждаго

человѣка, сочувствующаго народному благу настоящаго времени, и подумаешь, какими молитвами должны мы молиться за нашего Государя!

Когда я возвратилась изъ своего путешествія, отецъ приказалъ матушкѣ жить со мною, «а то бросили,—говоритъ,—дѣвчонку на вѣтеръ». Матушка и сама стала скучать; она осталась одна, батюшка поступилъ въ должность управляющаго, братья всѣ были по мѣстамъ. Она переѣхала ко мнѣ. Тутъ-то жизнь моя пошла иначе. Матушка больше не сердилась на меня, и увидѣла сама, что она очень ошибалась на счетъ театра, думая, что онъ самое позорное мѣсто, и даже сама плакала, слушая какъ я распѣвала мои двѣ оперы. Спина моя стала подживать, я продолжала играть маленькія рольки и иногда пѣла въ дивертисементахъ; публика меня ласкала за мой голосъ, всякій разъ я должна была повторять, что̀ бы я ни пѣла. Мнѣ стали завидовать, и даже одна важная особа просила директора, чтобы онъ рекомендовалъ меня на какой нибудь другой театръ, потому что у важной особы были свои сестрицы - пѣвицы на сценѣ: ну, она стала не любить меня. Тутъ подоспѣла ярмарка, все закипѣло словно въ аду. Театръ переѣхалъ на ярмарку, пошли каждый день спектакли, дѣла и у меня стало много. Артистовъ столичныхъ къ намъ наѣхало много Изъ Питера пріѣхала Ю. Н. Линская, изъ Москвы А. А. Бантышевъ и много другихъ. Вотъ съ Бантышевымъ и стала я играть оперы, прежде «Стрѣлка», а потомъ «Аскольдову могилу», и была принята публикой не хуже его. Онъ мнѣ одинъ разъ и сказалъ, чтобы я пріѣзжала въ Москву; а мнѣ это показалось такъ смѣшно. Ю. Н. Линская мнѣ очень понравилась и она полюбила меня. Я была ея пажомъ: гдѣ она—тутъ и я ужъ непремѣнно! пробралась и въ номера, гдѣ она стояла, и очень часто наслаждалась ея бесѣдою. Съ какимъ наслажденіемъ и недовѣріемъ слушала я ея разсказы о Питерѣ, какъ они служатъ, и какъ часто видятъ Царя, и сказала сколько она получаетъ жалованья, такъ я и обмерла и, признаться сказать, не повѣрила ей; счастію моему просто конца нѣтъ. Мы съ ней и до сей минуты любимъ другъ друга самою теплою любовью. Здѣсь же ярославскій антрепренеръ высмотрѣлъ меня и ангажировалъ на свой театръ; далъ мнѣ пятьдесятъ рублей жалованья въ мѣсяцъ. Какъ

кончилась ярмарка, я и снарядилась въ Ярославль, простилась съ дорогими моему сердцу, отцомъ, братьями, съ П. А. Д. и А. А. В., и отправилась въ путь съ матушкой. Грустно мнѣ было оставить Нижній, мою родину, но дѣлать было нечего, сама избрала свою дорогу.

Пріѣхала я въ Ярославль благополучно. Ѣхало насъ много въ одной крытой телѣгѣ. Ярославль мнѣ очень понравился; городокъ чистенькій, театръ каменный, прекрасный, и Волга, моя задушевная Волга! Я скоро привыкла къ моему новому жилищу. Остановились мы въ гостинницѣ при постояломъ дворѣ, близь театра; квартира опрятная, хорошенькая; одна комната большая, потомъ маленькая, безъ окна, и кухня, окнами въ свѣтлый корридоръ, и мебель хорошенькая: столы, комоды, двѣ кровати, одна съ ширмами. Здѣсь, въ Ярославлѣ, началась моя полная жизнь. На пятнадцатомъ году у дѣвицъ не безъ разныхъ приключеній, а я была такой еще ребенокъ, что многаго не понимала самаго простаго и обыкновеннаго въ жизни. Въ Ярославлѣ меня полюбили окончательно всѣ, и артисты, и публика. Тутъ я нашла Ленскихъ, мужа и жену, людей талантливыхъ и добрыхъ. Ленская меня такъ полюбила какъ сестру родную, и я ей отвѣтила тѣмъ же. Тутъ было еще семейство Бѣшенцевыхъ, людей очень почтенныхъ. Бѣшенцевъ былъ оперный пѣвецъ, онъ принялъ во мнѣ живое и самое теплое участіе и даже сталъ учить меня пѣть, тоже со скрипкой. Я привязалась къ Бѣшенцеву душой и даже звала его папашей. Онъ былъ лѣтъ пятидесяти, и говорили, что онъ изъ петербургскихъ.

Въ Ярославлѣ не замедлили моимъ дебютомъ...

Любовь Косицкая.

(Окончаніе слѣдуетъ).